СООБЩЕНИЯ

М. В. ЛОМОНОСОВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Д. Гурвич

«Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство—силою его патриотизма... Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его Родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству».

(Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевого периода русской литературы, стр. 169. СПб. 1893.)

Среди людей русской науки имя великого патриота Русской земли, замечательного учёного Михаила Васильевича Ломоносова по праву занимает одно из первых мест.

Часто Ломоносова сравнивают с Леонардо да Винчи и Гёте. Но есть ли нужда в таком сравнении? Сам Ломоносов не любил, когда его называли «Русским Невтопом», ибо, говорил он, я достоин того, чтобы называться своим собственным русским именем. Свою жизнь М. В. Ломоносов посвятил развитию передовой культуры русского народа, развитию чувства его национального достоинства и самосознания.

Борьба против Ломоносова велась врагами России при жизни великого учёного. Она продолжалась и после его смерти и в первую очередь была направлена против исторических трудов Ломоносова, казавшихся особенно опасными для его извечных врагов — историков норманистского направления и для русского правительства. Первые стремились вычеркнуть все исторические работы Ломоносова из анналов русской исторической науки, представляя их бесполезными. Особенно много в этом отношении постарались современники Ломоносова, немцы Миллер и Шлецер, которые испытали на себе всю силу ударов Ломоносова, страстно клеймившего их антипатриотические и космополитические взгляды. И если в XVIII в. исторические сочинения Ломоносова высоко оценивались, на них ссылались в научных трудах, на них учились и им подражали (Эмин, Елагин, Щербатов), то русская историческая наука XIX — начала XX в., по сути дела, не знала Ломоносова-историка: его исторические работы упоминались с такими оговорками, что ценность их казалась совершенно незначительной.

Только историки антинорманистского направления продолжали интересоваться историческими трудами Ломоносова, называя его исторические взгляды «русской системой» и противопоставляя их «немецкой системе» Байера — Миллера. Близкий к славянофилам Савельев-Ростиславич писал:

«Нельзя не удивляться пронизательности ума Ломоносова, который, имея предшественниками только Байера с Миллером, игравших созвучными, и Татищева, чуждого внешней исторической критике,— силою собственного соображения вознёсся до такой высоты, что мог построить такую замечательную теорию нашей и обще-славянской истории»¹.

Однако антинорманисты непомерно раздували некоторые, часто неудачные мысли и гипотезы Ломоносова, игнорируя другие, важные подчас и интересные его теории. Они не развивали исторические взгляды Ломоносова, а лишь механически переносили их в свои труды, изыскивая себе в них оружие против «немецких» теорий норманистов.

Гораздо большим признанием пользовалась иная оценка исторических трудов Ломоносова, принятая большинством русских буржуазных историков XIX — начала XX века. Для этих историков типично мнение С. М. Соловьёва: «Исторические занятия были, как видно, чужды Ломоносову вообще, а уже тем более занятия Русской историей»². Соловьёв считал, что у Ломоносова не было исторической системы и он не смог обобщить собранные им обширные материалы; его соображения часто были отвлечёнными и надуманными; Ломоносов не был историком и занялся историей, лишь выполняя официальное поручение, чтобы в «красноречивом повествовании представить события древней русской истории». М. В. Ломоносов, по мнению Соловьёва, смотрел на историю с чисто литературной точки зрения. У него «не было ясного понимания предмета», и отсюда — и «неумение схватить особенности в истории народа». И всё же Соловьёв не мог не отметить значительного вклада, сделанного Ломоносовым в русскую историческую науку. «Татищеву... наряду с Ломоносовым,

¹ Савельев-Ростиславич Н. Славянский сборник, стр. LXXV. СПб. 1845.

² Соловьёв в С. Писатели русской истории XVIII века. Архив Калачёга. Т. II, 1-я половина III отд., стр. 41. М. 1885.

принадлежит самое почётное место в истории Русской науки», — писал он³. Ряд частных мыслей Ломоносова был признан Соловьёвым неоспоримым и просто блестящим, особенно в вопросе о происхождении славянства и древнейшем периоде русской истории⁴.

Русские буржуазные историографы середины XIX — начала XX в. П. С. Билярский, П. П. Пекарский, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович и др. полагали, что Ломоносов не был историком по призванию, и подчёркивали «необъективность» и «ненаучность» его исторических трудов⁵. Даже наиболее выдающийся буржуазный историк России конца XIX — начала XX в. В. О. Ключевский не счёл нужным уделить специальное внимание историческим сочинениям Ломоносова, отметив только публицистический характер его трудов, направленных против попыток врагов России извратить историческое прошлое русского народа⁶. П. Н. Миллюков, специально занимавшийся русской историографией, прямо заявлял, что Ломоносов вовсе не был подготовлен к сочинению русской истории, которая была ему заказана «высшим обществом», и, стало быть, нечего искать в его «Древней Российской истории» каких-либо научных достоинств. Это тем более верно, писал Миллюков, если сравнить труд Ломоносова с работами Байера, Миллера, Шлецера — «тремя знаменитыми исследователями русской истории»⁷. Всецело соглашался с мнением Миллюкова Н. М. Рожков, полагавший, что Ломоносов только из патристических побуждений отверг норманскую теорию, не имея достаточных к тому оснований⁸. Вклад М. В. Ломоносова в русскую историческую науку отрицал и М. Н. Покровский, как и Г. В. Плеханов⁹, видевший в Ломоносове только придворного «пиита», весьма консервативного в общественно-политическом отношении¹⁰. Все эти историки говорили о Ломоносове лишь вскользь, посвящая его историческим сочинениям в лучшем случае страницу и единодушно делая при этом вывод об отсутствии какого-либо значения трудов Ломоносова для русской историче-

ской науки. Даже в нескольких статьях, специально посвящённых Ломоносову-историку, не делалось попытки к пересмотру установившегося взгляда на его исторические работы¹¹.

Только советская историческая наука новому прочла исторические труды Ломоносова и сумела оценить в них те замечательные мысли, которые на многие десятки лет опередили его время и не были поняты ни современниками Ломоносова, ни его потомками. Акад. Б. Д. Греков в отличие от общепринятого взгляда на Ломоносова-историка даёт положительный отзыв о его исторических трудах. Он подчёркивает, что многие мысли Ломоносова, казавшиеся в XVIII в. нелепыми и необоснованными, получили в настоящее время подтверждение в результате работ советских историков и археологов¹².

Однако до сего времени в ряде работ, в той или иной связи касающихся темы «Ломоносов-историк», обнаруживается характерная для буржуазной историографии недооценка М. В. Ломоносова-историка. Ломоносову-историку посвятил главу в своей «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейн¹³. Но его точка зрения на исторический труд Ломоносова, по сути дела, не отличается от взглядов буржуазных историков. Н. Л. Рубинштейн полагает, что русская история никогда не была особым предметом научно-исследовательской работы Ломоносова; в своих исторических сочинениях Ломоносов не был оригинален; его общественно-политические и исторические взгляды, его исторический метод сложились под прямым воздействием немецких историков. Не удивительно, что Н. Л. Рубинштейн и не пытался дать оценку историческим трудам Ломоносова и показать ценные мысли, которые в них заключены, а ограничился только кратким пересказом их содержания.

Даже в вышедшем в 1948 г. курсе «Истории СССР» для исторических факультетов не нашлось места для хотя бы краткого упоминания об исторических сочинениях Ломоносова, тогда как о Миллере и Шлецере в них рассказывается подробнее. Авторы этого курса предпочли говорить о Ломоносове лишь как об одписце, физике, химике¹⁴.

Таким образом, до наших дней сохранили свою силу некоторые легенды о Ломоно-

³ Соловьёв С. Указ. соч., стр. 40.

⁴ См. там же, стр. 43.

⁵ Билярский П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1865. Пекарский П. История Академии наук в Петербурге. Т. II. СПб. 1873. Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. I. СПб. 1872. Коялович М. История русского самосознания. СПб. 1893.

⁶ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. V, стр. 471. М.-Л. 1937.

⁷ Миллюков П. Главные течения русской исторической мысли, стр. 28—29. СПб. 1913.

⁸ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. VII, стр. 142. П. 1923.

⁹ Плеханов Г. Соч. Т. XXI, стр. 155. М.-Л. 1925.

¹⁰ Покровский М. Историческая наука и борьба классов. Вып. II, стр. 172. М.-Л. 1933.

¹¹ См. Войцехович М. В. Ломоносов, как историк. В сб. «Памяти М. В. Ломоносова», стр. 60—87. СПб. 1911. Тихомиров И. О трудах М. В. Ломоносова по русской истории. «Журнал Министерства народного просвещения». 1912 г., сентябрь, стр. 41—64.

¹² Греков Б. Ломоносов-историк. «Историк-марксист» № 11 за 1940 г., стр. 18—34. Его же. Деятельность Ломоносова в Академии. «Известия» ООН АН СССР. № 1 за 1937 г., стр. 175—200.

¹³ См. Рубинштейн Н. Русская историография, стр. 86—92. М.-Л. 1941.

¹⁴ См. «История СССР». Под редакцией акад. Б. Д. Грекова и др. Т. I, стр. 680—682. М. 1948. Изд. 2-е.

сове-историке, пущенные в оборот норманистами ещё в XVIII веке. Широкое распространение получила ложная версия о том, что Ломоносов никогда не интересовался историей и если и начал ею заниматься в 1753 г., то лишь по «принуждению свыше», по официальному повелению Елизаветы и под нажимом И. И. Шувалова¹⁵. Поскольку Ломоносов начал заниматься историей лишь в 1753 г. (он родился в 1711 г.) и притом безо всякой подготовки (не говоря уже об отсутствии у него какого-либо интереса к истории), его труды не могли иметь значения для исторической науки. Исторические сочинения Ломоносова могут быть ценимы лишь с точки зрения их литературных достоинств. В такую форму облекли норманисты свою борьбу против ненавидимых им исторических взглядов Ломоносова.

В настоящей статье мы попытаемся пересмотреть этот, столь давно установившийся неправильный взгляд на Ломоносова-историка. У нас нет возможности использовать какие-либо неизвестные материалы, но и давно известное представляется достаточным, чтобы, с одной стороны, показать всю ложность бытующих до нашего времени представлений о Ломоносове-историке и, с другой,— представить действительное значение исторических работ замечательного русского учёного.

М. В. Ломоносов начал заниматься историей не в 1753 г., а значительно ранее. Его интерес к истории пробудился ещё в юности, когда он учился в Московской и Киевской духовных академиях. В библиотеках академий было собрано много летописей и других письменных памятников старины, и благодаря этому Ломоносов имел возможность выйти далеко за пределы тех источников, которые были известны Гизелю — автору распространённого в то время в России «Синописа»¹⁶. Труд Гизеля, составленный ещё в XVII в., конечно, не мог удовлетворить возросшую потребность русского общества середины XVIII в. в знании истории своего отечества. Тем более не мог «Синописис» удовлетворить Ломоносова, который во время своей работы над источниками в Москве и Киеве почерпнул многое, неизвестное Гизелю и чрезвычайно ценное для создания научной истории русского народа.

Помимо «Синописа», Ломоносов ознакомился с историческими работами немца Байера, поставившего целью доказать неспособность русского народа к созданию своего государства, своей культуры и тем самым подчёркивавшего его полную зависимость от скандинавов. Такого рода исторические «опусы», полные презрения и враждебности к русскому народу, конечно, не могли иметь какой-либо научной ценности. В итоге оказалось, что к середине XVIII в. русский читатель не имел ни одной работы, в которой научно и вместе с тем в доступ-

ной форме были бы изложены подлинные события русской истории.

По возвращении из Германии в середине 40-х годов Ломоносов с прежним воодушевлением принялся за изучение русской истории, возобновив сбор новых источников. Изучение отечественной истории явилось для Ломоносова такой же необходимостью, как и занятия химией и физикой. Оно было частью той страстной борьбы, которую в течение всей своей жизни вёл Ломоносов, защищая честь и достоинство России от «доносительства и злопыхательства» иностранных писак и их русских пособников.

Первые известия об исторических занятиях Ломоносова в Академии наук относятся к 1746 году. В этом году он — единственный из профессоров-естественников — был введён в специальную комиссию, занятую рассмотрением исторического сочинения «комиссара» П. Крекшина. Академическая Канцелярия, включившая Ломоносова в состав комиссии, видимо, не сомневалась в его подготовленности к суждениям по истории. Историографы Миллер и Фишер в эту комиссию не вошли¹⁷. В 1748 г. Ломоносов был назначен членом Исторического собрания Академии наук¹⁸. Тем самым его авторитет в области истории был официально признан, и Ломоносов активно включился в рассмотрение работ исторического содержания.

Крупнейший историк России В. Н. Татищев обратился к Ломоносову с просьбой просмотреть в рукописи первую книгу его «Истории Российской», а также написать к ней посвящение. Труд Татищева настолько заинтересовал Ломоносова, что между ними завязалась переписка, и позднее Ломоносов не раз возвращался к «Истории» Татищева, широко пользуясь ею в своей работе над «Историей России»¹⁹. В. Н. Татищев, со своей стороны, внимательно прислушивался к советам Ломоносова. Другой современник Ломоносова, историк и экономист П. Рычков, в 1755 г. также прислал Ломоносову свой труд «Оренбургская топография» и был немало польщён лестным отзывом Ломоносова о его сочинении²⁰.

Но особенно большое значение во всеобщем признании Ломоносова историком имел эпизод с диссертацией Миллера. В 1749—1750 гг. Ломоносов принимал активное участие в работе академической комиссии, разбиравшей диссертацию Миллера «О происхождении народа и имени русского». На протяжении всей работы комиссии Ломоносов был её фактическим руководителем, и его мнение о диссертации Миллера легло в основу решения как ко-

¹⁷ См. Билярский П. Указ. соч., стр. 88—93.

¹⁸ См. Пекарский П. Указ. соч. Т. II, стр. 381.

¹⁹ См. Ломоносов М. Соч. Т. VIII, стр. 138. М.-Л. 1948.

²⁰ См. Пекарский П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. «Записки Академии наук», стр. 71, прим. № 7. СПб. 1865.

¹⁵ См. Соловьёв С. Указ. соч., стр. 40—41. Сухомлинов М. История Российской академии. Т. V, стр. 85. СПб. 1874. Миллюков П. Указ. соч., стр. 28—29.

¹⁶ Гизель И. «Синописис». Киев. 1674.

миссии, так и Канцелярии Академии: Ломоносов неоднократно в развёрнутом виде представлял в ходе работы комиссии свои возражения против основных положений диссертации Миллера. Проявив замечательную эрудицию в древней русской истории, Ломоносов убедительно показал, что диссертация Миллера враждебна русскому народу и должна быть запрещена. В своём отзыве Ломоносов предстаёт перед нами как квалифицированный историк, обладавший профессиональным умением анализировать источники, вскрывать их политический смысл. При этом, в отличие от Миллера, который «нередко с поношением опровергает российские авторитеты», Ломоносов широко использовал русские летописи, цenia их гораздо выше скандинавских sag и сведений иностранных писателей. Ломоносов выдвинул и подробно обосновал в своих отзывах о диссертации Миллера ряд новых идей, касавшихся древнейшей истории русского народа и Русского государства (вопросы происхождения славянства, древности его в Европе, скифская проблема и др.)²¹. Он беспощадно срывал с Миллера маску объективизма, демонстрируя его затаённое чувство ненависти к России, его презрение к русскому народу. Резкое возражение Ломоносова вызвало то «особливое довольство», с которым Миллер описывает все неудачи и все неуспехи славян и «благополучные» победы над ними скандинавов: «Все это к изъяснению нашей истории ничем не служит и могло бы быть без утраты пропущено... Оно российским слушателям будет весьма досадно и огорчительно»²². И это тем более так, ибо «если бы г. Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россиян сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»²³. Автором всех этих небылиц является человек, который живет в России и от нея великия благоденствия имеет»²⁴. Ломоносов видел корни подобного отношения Миллера к русской истории в его космополитизме, в его антипатриотичности, в отсутствии у него тех качеств, которые должны быть свойственны историку, обязанному воспитывать сограждан в духе уважения заслуг предков, составляющих честь и славу отечества. Канцелярия Академии наук полностью согласилась с мнением Ломоносова, специальным указом приговорив «оную диссертацию совсем уничтожить»²⁵. Таким образом, точка зрения Ломоносова победила.

Ломоносов придавал очень большое значение исходу дела Миллера, справедливо видя в нём начало решительной борьбы с немецкими фальсификаторами русской истории.

В отзывах на диссертацию Миллера Ломоносов подвёл первый итог своей работе

над древней русской историей. Выводы, к которым он пришёл, резко расходились с общепринятыми и были не предварительными, а окончательными. Не удивительно, что позднее, в конце 50-х годов, Ломоносов счёл необходимым включить сначала в «Древнюю Российскую Историю», а затем в «Краткой Российский Летописец» свои мысли о происхождении русского народа, высказанные при разборе диссертации Миллера. Тем самым Ломоносов лишний раз подчеркнул, что его взгляды остались неизменными.

С 1749 г. работа Ломоносова в области истории приобрела общественное значение. Его труды по истории России привлекли внимание русского правительства и прежде всего влиятельного вельможи И. И. Шувалова. И. И. Шувалов поддержал патристические устремления Ломоносова, прославлявшего силу и могущество русского народа, его великолепные воинские качества, блистательные успехи русского оружия.

Историческая работа с этого времени оказалась в центре многообразных научных интересов Ломоносова. Нужда в создании отечественной истории была очевидна, и Ломоносов с воодушевлением принял за выполнение этой ответственной задачи.

Итак, занятия историей были официально поручены Ломоносову задолго до 1753 года. Эти занятия не были эпизодическими. Их размах позволил Ломоносову уже в 1751 г. в письме к И. И. Шувалову сообщать: «Делаю план Российской Истории, которой по возвращении Вашем в Санкт-Петербург показать честь иметь буду»²⁶.

Поручение Елизаветы написать историю России «его штилем», переданное Ломоносову в Москве в марте 1753 г. через И. И. Шувалова, должно было лишний раз подчеркнуть государственное значение, придаваемое исторической работе Ломоносова. Чрезвычайная важность этих занятий, пристальное внимание, с которым следили за ними правительство и лично И. И. Шувалов, — всё это указывает на политический характер поручения, возложенного на Ломоносова. И, конечно, ни о каком личном желании Шувалова сделать из Ломоносова историка говорить не приходится.

Ломоносова не надо было убеждать в необходимости оградить русский народ и его историю от покушения врагов. Он давно был готов к этому и был достаточно вооружён, чтобы принять бой с немецкими псевдоисториками России. И если ранее Ломоносов занимался русской историей большей частью урывками, то теперь исторические занятия были выдвинуты им на первый план.

Капитальный труд Ломоносова по русской истории с нетерпением ждали правительство, Академия наук и русское дворянское общество. К сожалению, до нас не дошли «манускрипты» Ломоносова, и о масштабе и характере его работы над историей России можно судить лишь по отчётам, представ-

²¹ См. Пекарский П. История Академии наук. Т. II, стр. 897—902.

²² Там же, стр. 906—907.

²³ Биллярский П. Указ. соч., стр. 762.

²⁴ Там же, стр. 145.

²⁵ Там же.

²⁶ Ломоносов М. Соч. Т. VIII, стр. 111.

лывшимся Ломоносовым ежегодно в Академию наук.

Ломоносов тщательно изучал русские и иностранные источники, освещавшие преимущественно древний период русской истории. Только в 1754 г. он счёл возможным приступить к сочинению первых глав своего труда: «Сочинен опыт Истории Словенского народа до Рурика: Дедикация, Вступление; Глава I, о старобытных жителях в России; Глава II, о величестве и поколениях Словенского народа; Глава III, о древности Словенского народа, всего 8 листов»²⁷.

Написание истории Русского государства потребовало от Ломоносова огромного напряжения в работе, и он принуждён был отказаться от должности профессора химии. — «Он, имея работу сочинение Российской империи, не чает так свободно упражняться в химии»²⁸, так же как и другими предметами, которые могли бы отвлечь от ставшего теперь основным делом его жизни сочинения русской истории. А позднее, в письме к И. И. Шувалову от 30 декабря 1754 г., Ломоносов уже поставил вопрос о своём окончательном уходе из Академии наук для работы в московских исторических архивах²⁹. В письме к Л. Эйлеру от 23 февраля 1754 г. Ломоносов писал: «Я вынужден здесь быть не только поэтом, оратором, химиком и физиком, но и целиком почти уйти в историю. Прошедшей весной я провёл некоторое время в Москве, ожидая подписи дарственной, и августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю. Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях Российских»³⁰.

В переписке с Шуваловым Ломоносов рассматривал занятия историей как главную свою обязанность: «Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оное великое дело (сочинение русской истории. — Д. Г.) совершением своим скоро могло охоту всех удовлетворять; однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможностью древность Российского народа и славные дела наших государей свету открыл, то весьма чувствую... по предприятому моему намерению со всякою ревностью в собрании нужных известий стараюсь, без которых отнюдь ничего в истории предпрять не возможно»³¹.

Несмотря на все старания Ломоносова подготовить «Историю России» в наиболее короткий срок, работа над ней затягива-

лась. «История России» не была закончена ни в 1754 г., ни в течение ряда последующих лет. Только в 1757 г. Ломоносов заявил об окончании им первой книги «Древней Российской Истории», и в 1758 г. было приступлено к её напечатанию. Однако печатание продвигалось крайне медленно, и, чтобы хоть в незначительной степени восполнить отсутствие книги по русской истории, Ломоносов издал в 1760 г. «Краткий Российский Летописец».

Медленное издание «Истории России» объяснялось трудностью её набора. Ломоносов избрал сложную систему сочетания текста с примечаниями, которым он придавал особое, самостоятельное значение. Далее, причина этой чрезвычайно огорчавшей Ломоносова задержки заключалась в том беспредельном разнообразии больших и малых поручений «сильных мира сего», которые должен был систематически выполнять Ломоносов. Кроме того Ломоносов подходил к «Древней Российской Истории» с исключительной требовательностью, всё время расширяя круг источников.

Неожиданная смерть Елизаветы в 1761 г. и уход вслед затем от активной политической деятельности И. И. Шувалова и ряда других видных деятелей в правительстве Елизаветы окончательно затормозили печатание труда М. В. Ломоносова. Изменения в политике, произошедшие в связи с приходом к власти правительства Екатерины II, отсеснившего на задний план государственных деятелей елизаветинского царствования, не могли не поколебать положения Ломоносова и при дворе и в Академии наук. Все эти политические и технические трудности вынудили Ломоносова отказаться от первоначальных планов и упростить издание, одновременно смягчив тот полемический тон, которым были проникнуты напечатанные главы «Истории».

С 1757 г. Ломоносов был занят ещё одной исторической работой, которой придавалось большое значение. Он принял деятельное участие в подготовке материалов для «Истории России при Петре», заказанной русским правительством Вольтеру в целях прославления России. Подготовкой материалов для Вольтера руководил И. И. Шувалов. Понятно, что к составлению «мемуаров», т. е. обобщающих статей и к выборке «экстрактов» из документов, он привлёк лучших знатоков архивных материалов и, конечно, в первую очередь одного из виднейших историков России — Ломоносова. Ломоносов с огромным интересом и вниманием отнёсся к этому поручению. Он понимал, что нужно не только просто рассказать Западной Европе о России, но и воспрепятствовать хождению в Европе тех превратных представлений об её истории, которые были распространены в результате стараний Байера, Миллера и др. Быть может, поэтому при всём своём уважении к пользовавшемуся европейской известностью Вольтеру Ломоносов предпочёл бы видеть написанной русским учёным историю Петра, личность и эпоху которого он считал самыми выдающимися в русской истории. Ломоносов хотел сам написать эту историю и затем переве-

²⁷ Билярский П. Указ. соч., стр. 280.

²⁸ Там же, стр. 067.

²⁹ См. Ломоносов М. Соч. Т. VIII, стр. 180—181.

³⁰ Там же, стр. 158 (разрядка моя. — Д. Г.).

³¹ Ломоносов М. Соч. Т. VIII, стр. 119—120.

сти её на другие языки. Он прекрасно понимал, что сочинение Вольтера будет носить поверхностный характер, ибо Вольтер не знал России, русского языка и не был знаком со многими важными источниками. Поэтому 2 сентября 1757 г. Ломоносов писал Шувалову: «Хотя довольно может он (Вольтер.—Д. Г.) получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемой, великаго труда и времени требует. Что до сего надлежит, то принимаю смелость предложить следующее. Во-первых, должен он себе сделать краткой план, которой может сочинён быть из сокращённого описания дел государевых, которое я имею, к чему он и сочинённой мною панегирик не без пользы употребить может, ежели на французской язык переведён будет... По сочинении плана и по его сюда сообщении, думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не всё вдруг. И как станет он сочинять начало, между тем протчей перевод поспевать может и так сочинение скорее начаться и к окончанию приходит имеет. Ускорение сего дела для престарелых лет Волтеровых весьма надобно. У меня сколько есть записок о трудах великаго нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Фёдоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени. Анекдоты при начале сего сочинения не так нужны; при том же нет уже никаго, кто бы детская лета государевы помнил; однако и о том постараюсь, чтобы хотя от других слышанное слышать»³².

Из этого письма видно, что Ломоносовым к 1757 г. независимо от заказа Вольтеру было подготовлено «Сокращённое описание дел государевых». Интересуясь временем и личностью Петра, Ломоносов изучил множество документов. И все свои материалы он предлагал использовать при написании «Истории России при Петре», поскольку вопрос о приглашении Вольтера был решён, а политическая важность этой работы требовала её ускорения. Ломоносов обещал и впредь сообщать новые материалы о Петре. В цитированном выше письме к Шувалову ясно ощущается стремление заставить Вольтера положить в основу плана «панегирик», составленный Ломоносовым, поставить Вольтера в зависимость от присылаемых ему из России материалов.

Обещание составить краткий экстракт из летописцев о состоянии России во время царствования Михаила Фёдоровича Ломоносов выполнил очень скоро и уже 10 октября 1757 г. послал его Шувалову, сообщая при этом: «Сокращённое описание самозванцев и стрелецких бунтов ещё переписав, имею честь подать чрез сие письмо Вашему превосходительству. Сами можете отметить, что Вам не рассудится за благо перевести на французский язык. Сокращение о жизни государей царей Михаила, Алексея и Фе-

дора стараюсь привести к окончанию подобным образом»³³.

В этом же письме содержится ответ Вольтеру на вопрос, нужна ли история России до Петра. Шувалов, несомненно, сообщал Ломоносову содержание писем Вольтера и отвечал на них, только посоветовавшись с Ломоносовым. В данном случае Ломоносов предложил ответить Вольтеру дипломатично, что-де «он сам волен решить, что ему писать о России. Но описание стрелецких бунтов было Вольтеру послано, и тем самым ему недвусмысленно дали понять, что эти события представляют большую важность для истории России»³⁴. И. И. Шувалов поддержал также предложение Ломоносова в центре сочинения Вольтера показать не Петра, а Россию, русский народ. Именно не биография царя Михаила Фёдоровича, а очерк о состоянии России во время его царствования был составлен Ломоносовым. Но вместе с тем в сочинении о России следовало прославить Петра как «просвещённого государя», столь же великого для Ломоносова, как и для Вольтера.

Понятно, что присланный Вольтером в Россию осенью 1757 г. «лёгкий набросок» первых 8 глав его сочинения, составленный независимо от русских источников, был тотчас передан Ломоносову. В июне 1758 г. Вольтер прислал в Россию «второй набросок», а осенью 2 октября того же года Шувалов отослал Вольтеру замечания, в составлении которых принял участие Ломоносов³⁵.

В письме, приложенном к замечаниям, Шувалов вновь напомнил Вольтеру о необходимости включить в книгу сведения о допетровской России, «особенно историю нескольких стрелецких бунтов»³⁶.

³² Там же, стр. 199.

³⁴ Это описание и другие материалы, присланные из России, сохранились в рукописях Вольтера, хранящихся в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, хотя, по всей вероятности, при переводе и редактировании Шуваловым они подверглись изменениям, может быть, весьма значительным (см. рукописи Вольтера № 242 *Manuscrits ulatifs a l'histoire de Russie sous Pierre le grand*). Поэтому в настоящее время затруднительно установить, в составлении каких «экстрактов» принял участие Ломоносов. Но бесспорно, что под тем же названием, «Сокращённое описание самозванцев и стрелецких бунтов», о котором пишет Ломоносов Шувалову, имеется «экстракт» в материалах Вольтера (ср. Андреев А. Незвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России. «Ломоносов» (сб. статей). Вып. 1, стр. 297—302. М.-Л. 1940.

³⁵ Эти замечания в части, принадлежавшей Ломоносову, были опубликованы в журнале «Московский телеграф», ч. 20, № 6 за март 1828 г., стр. 151—159.

³⁶ Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Рукописи Вольтера № 242, I, л. 355—355 об.

В 1759 г. вышел из печати первый том «Истории» Вольтера, и выяснилось, что Вольтер почти совсем не учёл замечаний Ломоносова и других русских историков и, что особенно плохо, не использовал материалы, которые ему посылались из России. Картина исторического развития России получилась односторонняя и в большей мере отрицательная. Показателем отношения Вольтера к России служила фраза из предисловия, в которой автор указывал, что своё сочинение он рассматривает не как самостоятельный труд, а как «подтверждение и дополнение к истории Швеции»³⁷. Преувеличивал Вольтер и значение роли иностранцев в петровской России.

Не удивительно, что выход в свет первого тома труда Вольтера вызвал в России резкое недовольство. К 1761 г. Ломоносовым были составлены замечания на этот труд³⁸. Цель их заключалась в стремлении усилить политическое значение сочинения Вольтера, труда, который должен был рассеять господствовавшее в Европе предубеждение о русском варварстве и возбудить интерес к русскому народу в культурных кругах Европы, заставить признать Россию равноправным членом среди других европейских государств. Вместе с тем Ломоносов предлагал исправить огромное количество несообразностей и ошибок, имевшихся в его содержании и в транскрипции географических и собственных имён.

Особенно неудовлетворительной считал Ломоносов главу III: «Вся сия глава о стрелецких бунтах не полна и весьма недостаточна. Много несправностей. К сочинению сего можно перевести приказать мой экстракт о стрелецких бунтах». Ломоносов опять остаётся на стрелецких бунтах и снова предлагает использовать свой труд о них. Характерно, что в отличие от частных замечаний, сделанных к другим главам, здесь мы встречаем весьма веские возражения общего порядка, говорящие о большой осведомлённости Ломоносова в этом вопросе.

Возражения Ломоносова и других русских историков были сообщены Вольтеру. Шувалов потребовал, чтобы при втором издании первого тома «Истории» Вольтер учёл все сделанные в России замечания и исправления³⁹.

Особенно много времени и здоровья отнимала у Ломоносова его непрерывная борьба против фальсификации истории России немецкими историками в Академии наук. Эта борьба велась долгие годы с переменным успехом. Главный враг Ломоносова, Миллер, за свои «занозливые речи» и «продерзости» в 1751 г. разжалованный в адъ-

юкты⁴⁰, уже через несколько лет вновь добился положения первого русского историографа, используя свои связи при дворе. Но во второй половине 50-х годов чаша весов стала склоняться на сторону Ломоносова. Его поддерживали и И. И. Шувалов и передовая русская общественность. Наконец, непосредственная работа Ломоносова в области истории и особенно его борьба с немецкими историками стали политически актуальными, когда Россия вступила в войну с Пруссией и правительству потребовалось доказать прусскому королю Фридриху II, а заодно и его явным и тайным поклонникам в России, немало вредившим и до и во время войны, что Россия — не отсталая Азия. Последовавшие вскоре после начала войны замечательные победы русской армии подтвердили точку зрения Ломоносова, а патриотические настроения, охватившие русское дворянское общество, заставили спешно перестроиться немецких историков.

Наиболее серьёзного противника Ломоносова, Миллера, крупнейшего из немецких историков в России, поддерживали немцы, обосновавшиеся в Академии наук и смертельно боявшиеся усиления влияния Ломоносова; Миллера поддерживали многочисленные и часто влиятельные русские враги Ломоносова, его поддерживала Екатерина II. Борьба между Миллером и Ломоносовым велась не только по конкретным проблемам русской истории, борьба шла и по поводу понимания места и долга историка по отношению к своему народу и своей родине и по вопросу о методе исторического анализа. По мнению Миллера, историк должен «быть верным истине, беспристрастно и скромным. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что он должен казаться без отечества, без веры, без государя. Я не требую, чтобы историк рассказывал всё, что истинно, потому что есть вещи, которых нельзя рассказывать пред публикою; но всё, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»⁴¹. Эта внешняя аполитичность, космополитизм, проповедывавшиеся Миллером, были решительно отвергнуты Ломоносовым. Он несколько не сомневался, что по своим историческим взглядам Миллер был теснейшим образом связан с Байером и развивал порочные теории этого «историка», позволившего себе писать о России и её истории, не потрудившись даже научиться русскому языку.

Ломоносов указывал, что Миллер получил выговор 13 ноября 1760 г. от конференции при дворе за «важные политические ошибки, ежели ошибками назвать можно»⁴², содержащиеся в «Ежемесячных Сочинениях» — журнале, который издавал Миллер. И эти ошибки Ломоносов считал не случайными, ибо они повторялись в сочинениях Миллера достаточно часто: «Миллер пишет и печатает на Немецком языке смутные вре-

³⁷ Voltaire F. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le grand, par l'auteur de l'histoire de Charles XII. 1759, v. I.

³⁸ «Московский Вестник» за 1829 г., ч. V, стр. 158—163.

³⁹ См. «Вольтер в работе над историей России при Петре Великом». В сб. «Литературное наследство». Вып. 33—34, стр. 20.

8. «Вопросы истории» № 11.

⁴⁰ См. Пекарский П. Указ. соч. Т. I, стр. 364—365.

⁴¹ Там же, стр. 381.

⁴² Билярский П. Указ. соч., стр. 491.

мена Годунова и Растргины, самую мрачную часть Российской Истории; из чего иностранные народы худыя будут выводить следствия о нашей славе. Или нет других известий и дел Российских, где бы по последней мере и добро с худом в равновесии видеть можно было?»⁴³

Ломоносов заявлял, что историк не должен скрывать тяжёлые времена в русской истории, но он решительно протестовал против одностороннего показа этой истории, только с неблагоприятной для русских стороны. Миллер «не токмо в ежемесечных, но и в других своих сочинениях всевает по обычаю своему занозливые речи... Он больше всего высматривает пятна на одежде Российского тела, проходя многие истинные ея украшения», — писал М. В. Ломоносов. И, конечно, для Ломоносова «всего доказательнее его (Миллера. — Д. Г.) злоба, что он в разных своих сочинениях вмешает свою скаредную диссертацию о Российском народе по частям; и, забыв своё наказание, хващает, что он ту диссертацию, за кою штрафоваи, напечатает золотыми литерами»⁴⁴.

«Жестокий» выговор, полученный Миллером в 1761 г. от правительства за публикацию в «Ежемесячных Сочинениях» статьи «Опыт новейшей истории о России»⁴⁵, вовсе не означал прекращения борьбы. Она велась с прежним ожесточением. И хотя Миллеру пришлось временно отказаться от занятий по русской истории, от издания русских летописей, это отнюдь не означало, что точка зрения Ломоносова на историю и её задачи была признана окончательно и бесповоротно. За Миллером стояла сильная немецкая партия в Академии наук во главе со всемогущим советником Канцелярии Академии наук Шумахером и позже занявшим его место Таубертом. Эти люди всеми средствами препятствовали развитию русской науки и старались вытеснить из Академии русских учёных.

Нужно было приложить все усилия для борьбы с такого рода «учёными», и страстным защитником Ролины в этой борьбе выступил М. В. Ломоносов, использовавший в этих целях свои научные труды, и в первую очередь труды в области истории. Ответом на происки немецких «учёных» явилась прежде всего его «Древняя Российская История».

28 февраля 1763 г. Ломоносов представил в Канцелярию Академии наук новый вариант первого тома «Древней Российской Истории» со следующим пояснением: «Сообщается при сем для напечатания первой том Российской Истории, состоящей из двух частей, содержащей в себе Российския деяния от самой древности даже до кончины великаго Князя Ярослава первого, то есть до перваго главнаго разделения Самодержавства Российского; следуют ещё две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения Российскаго Татарамы, вторая до великаго Князя Московскаго Ивана Васильевича, когда Рос-

сия вовсе свободилась от татарского нашествия. Сию книгу не намерен я печатать, как она начата, с примечаниями и сокращениями на поле, но токмо с одними цитациями авторов; а примечания присовокуплю назад. Сие для того, что приметия при печатании от того замешательства и думаю, что и читателям не лутче будет. Итак из напечатанных уже трёх листов набрать только один текст с цитациями авторов на полях. Таким способом не сомневаюсь сию желаемую в обществе книгу в кратком времени привести печатанию к окончанию»⁴⁶.

Напечатанные прежде три листа «Древней Российской Истории» Ломоносов уничтожил⁴⁷. Новый вариант «Древней Российской Истории», как и прежний, печатался крайне медленно и вышел в свет только в конце 1766 г., уже после смерти Ломоносова. Ломоносов активно участвовал в издании своего труда, добавляя новые материалы и внося изменения и поправки. Уже в марте 1765 г. Канцелярия Академии наук ответила Миллеру на его запрос, «что из летописцев ничего ныне дать не можно, потому что быве надобны здесь отчасти при сочиняемой Российской истории, а отчасти для сличения между собой разных списков при печатании Нестеровой летописи и его продолжателей»⁴⁸.

Среди книг, взятых Ломоносовым из императорской библиотеки и кунсткамеры, после его смерти было обнаружено множество исторических трудов, летописных списков и т. д.

После смерти Ломоносова в типографии не оказалось оригиналов продолжения «Российской истории, также и таблиц манускриптов»⁴⁹, и её печатание было прекращено. Между тем не вызывает сомнения, что продолжение «Древней Российской Истории» имелось среди материалов, изъятых гр. Орловым по кончине Ломоносова. Это подтверждается как планом самого сочинения, представленного Ломоносовым задолго до смерти, так и теми источниками, над которыми он длительное время работал. Шлецер, хорошо знакомый с объектом работы Ломоносова, в предисловии к «Древней Российской Истории» писал: «Сочинитель, конечно, не преминал бы оной далее продолжать, ежли бы преждевременная его смерть, приключившаяся ему 4 апреля 1765 году, добраго сего предприятия не пресекала: а между оставшимися после его письмами продолжения не найдено»⁵⁰. Можно думать, что продолжение «Древней Российской Истории» имелось и, видимо, было доведено до 1452 г., но оно исчезло и было неизвестно, по крайней мере, об этом нельзя было открыто говорить, где оно находится. Точно так же исчезли приме-

⁴⁶ Билярский П. Указ. соч., стр. 588—589.

⁴⁷ См. там же, стр. 744

⁴⁸ Там же, стр. 738.

⁴⁹ Там же, стр. 745.

⁵⁰ Ломоносов М. Соч., Т. V, стр. 241. СПб. 1902.

⁴³ Билярский П. Указ. соч., стр. 492.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Билярский П. Указ. соч. Т. I, стр. 722.

чания к «Древней Российской Истории», хотя эти примечания был обещаны Ломоносовым ещё в 1758 году. Враги Ломоносова, видимо, постарались скрыть и по возможности уничтожить его «манускрипты», опровергающие их «труды» по истории России. К тому же материалы Ломоносова не могли не иметь политического значения в той напряжённой обстановке, которая создавалась в России в результате крестьянского восстания Пугачёва, пошатнувшего самые устои дворянской империи Екатерины II, грозившего её опрокинуть. Ломоносовские «манускрипты» убедительно показывали силу русского народа и его значение в русской истории. Поэтому правительство предпочло скрыть их⁵¹, а позднее, надо полагать, просто уничтожить. Итак, следует признать, что основная масса исторических «манускриптов» Ломоносова, накопленная им в течение долгих лет, ныне безвозвратно потеряна.

Всё, сделанное Ломоносовым в области русской исторической науки, немецкие историки России и их последователи постарались как можно скорее забыть, представляя Ломоносова то в роли химика, то в роли придворного стихотворца, но только не в качестве крупного русского историка. Да и не только немецким историкам, но и русскому правительству ещё очень долго помнилась «зловредность» мыслей и трудов Ломоносова.

Особую роль в походе против исторических взглядов Ломоносова сыграл Шлецер, в упорной борьбе с которым проходили последние годы жизни Ломоносова. Ломоносов понимал, что Шлецер, как историк, стоявший выше Миллера, мог нанести ещё больший вред русской науке вообще и в частности исторической науке. Уже в начале 1763 г., после очень недолгого пребывания в России, Шлецер получил через секретаря Екатерины II и одновременно секретаря Академии Теплова поручение составить грамматику русского языка. Ломоносов чрезвычайно выразительно охарактеризовал это произведение Шлецера: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколбодит в Российских древностях такая допущенная до них скотина»⁵².

Шлецер недооценивал русские источники, в том числе и летописи, принимая на веру сведения скандинавских авторов; Шлецер считал себя единственным человеком в России, способным заняться русской историей и написать её. Всё, до сих пор написанное в России, было, по его мнению, «недостаточно и неверно»⁵³. Когда в 1764 г. Шлецер подал в академическое собрание план своей работы по русской истории, он был поддержан Миллером и Фишером. М. В. Ломоносов же

резко выступил против поручения Шлецеру заняться изучением древней русской истории. В своём мнении по поводу плана Шлецера он писал: «Свидетельство иностранных профессоров о знании г-на Шлецера в Российских древностях почитать должно недействительными, затем, что они сами оных не знают. Что ж до меня надлежит, то оному Шлецеру много надобно учиться, пока может быть профессором Российской истории. Сверх того и места ему при Академии нет порожного. Г-да Миллер и Фишер суть профессора истории. Я же и сам сочиняю Российскую и уже в печати. Итак помянутой Шлецер Российской истории быть не может и нет места»⁵⁴. Таким образом, Ломоносов определённо заявлял о своём праве быть единственным судьёй в деле Шлецера, и не только потому, что он «природный русский», но прежде всего потому, что его знания русской истории значительно превышали знания остальных историков.

Помимо указанного заявления Ломоносов подал ещё одну записку о Шлецеру в академическую Канцелярию. В ней он особо подчёркивал, что выдвигание Шлецера в качестве историографа следует рассматривать как происки немецкой партии. «Сожалеею о его безрассудном предприятии, — писал Ломоносов, — которое однако извинить можно тем, что повидимому не свою волею, но наипаче по совету других (т. е. прежде всего по совету Гауберта. — Д. Г.) принялся за такое дело, кое в рассуждение малаго ево знания в нашем Российском языке с силою его не согласно. Да кто ж бы и подумал, что человек в короткое время пребывания своего в отечестве нашем, и то живучи по большей части между пришлецами, может спорить с уроженцами, и притом ещё учёными, о знаменовании речей, писать правила грамматическия, а наипаче древности, касающиеся до Российской истории, толковать и предписывать законы»⁵⁵. Указывая на слабое знание Шлецером русского языка, Ломоносов подчёркивал несуразность его требования о разрешении написать русскую историю. Особенно возмутило Ломоносова желание Шлецера использовать для этого его материалы, так же как и материалы Татищева, так как это грозило зачеркнуть весь предыдущий многолетний труд Ломоносова по написанию русской истории, превратить всё, им сделанное для отечественной истории, лишь во вспомогательный материал для немца Шлецера. Ломоносов отлично понимал, что Шлецер постарался бы использовать этот материал лишь во вред России, тем более что Ломоносов не без основания подозревал Шлецера в шпионаже против России⁵⁶.

Оскорблённый притязаниями Шлецера, Ломоносов противопоставил ему себя в качестве учёного «из наших природных, который с малолетства опознал общей Российской и Славенской языки, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочёл

⁵¹ См. Билярский П. Указ. соч., стр. 747.

⁵² Пекарский П. Указ. соч. Т. II, стр. 835—836.

⁵³ Sch lö z e r A. Nestor. Russische Annalen in ihrer slavohischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. Bd. I, S. 325. Göttingen. 1892.

⁵⁴ Билярский П. Указ. соч., стр. 699—700.

⁵⁵ Там же, стр. 702—703.

⁵⁶ Там же, стр. 735—736.

почти всё, древним Славено-Моравским языком сочинённый и в церкви употребительный книги... Он же (Ломоносов. — Д. Г.) и пред прочими своими согражданами приобрёл в отечестве своём особливую похвалу во всём, что до языка и древности Российских принадлежит; по сему не можно ли почесть за неразумного и наглого, ежели он похочет сравниться с вышеупомянутым... Но безстыдство, какое усматривается из требований г-на Шлецера, увидит каждой, кто познает речение моё о природном языке и оказанные успехи отечеству, помня труды в чтении Российских и иностранных древних книг, а наконец старание о сочинении самой Российской Истории. Всего того гдн. Шлецер требует себе в помощь, чтоб человек знатной по летам, по заслугам, по достоинству и по разным наукам, а особливо известный по Российской истории уступил собрания свои с достохвальностью в сочинении истории отечества своего молодому иностранцу, дабы оные преданы были вечному забвению»⁵⁷.

Ломоносов был также категорически против предоставления Шлецеру разрешения преподавать русскую историю для русских. Он считал позором для России, для своих соотечественников учиться русской истории у иностранца, едва знавшего русский язык⁵⁸.

И всё же в 1765 г. Шлецер был назначен профессором истории. Возмущённый решением Екатерины II, Ломоносов заявил, что утверждение кандидатуры ненадёжного и наглого Шлецера означает удар по «природным Россиянам»⁵⁹.

Но и после назначения Шлецера профессором русской истории Ломоносов не оставил своих работ по истории. Только смерть прервала его занятия.

Ломоносов считал, что история — наука политическая: она налагает большую ответственность на всякого кто серьёзно ею занимается. Историк обязан в первую очередь чувствовать себя гражданином своей Родины и горячо любить её, ставя свой труд и жизнь на службу отечеству⁶⁰.

Ломоносов как в общественно-политической деятельности, так и в научно-исследовательской работе выражал прогрессивные тенденции передовых слоёв русского дворянства и купечества, нарождавшейся разночинной интеллигенции. Он призывал к ликвидации отсталости России и её зависимости в культурном и экономическом отношении от Западной Европы, к развитию производительных сил страны, к укреплению её политической, экономической и военной мощи. Но при этом Ломоносов не считал необходимой предпосылкой для достижения этих успехов уничтожение крепостного порядка, слухившего спорой для реакционного дворянства и тормозившего развитие страны. Ломоносов полагал, что «мудрый»,

просвещённый монарх, образец которого он видел в Петре I, сможет совершить все необходимые преобразования, уничтожить «ночь варварства» и двинуть Россию вперёд по пути прогресса. В проведении реформ, считал Ломоносов, опорой монарху будут не только помещики и купцы, но и весь русский народ. Выходец из народных низов, Ломоносов был чужд предрассудкам сословных перегородок. Он был глубоко убеждён в безграничных возможностях великого русского народа, мечтал об облегчении его тяжкой участи. Свою жизнь Ломоносов посвятил народу, показывая личным примером, на что способен русский народ. Он вёл беспощадную борьбу против немецких и иных проходивцев, проникших в государственные и культурные учреждения России и насаждавших там свои порядки. Ломоносов добивался отстранения иноземных невежд и реакционеров от руководства русской наукой, настаивая на развитии отечественной науки. Он доказывал, что нет нужды приглашать в Россию иностранных учёных: их можно воспитывать из русских людей. В существовании таких способных к наукам людей Ломоносов был убеждён, и свою научную деятельность он рассматривал лишь как начало того, что предстоит завершить его потомкам: «Покажу, хотя некоторый приступ ко всем мне известным наукам. Я сам и не совершу, однако почну. — то будет другим после меня легче делать»⁶¹. Ради этой благородной цели, ради этого прекрасного будущего русской науки Ломоносов боролся всю свою жизнь. На закате своей жизни он писал Теплову: «Что ж до меня надлежит, то я сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину»⁶².

До Ломоносова в исторической науке существовало, например, убеждение, что русская история всем обязана Западу, что русская культура ниже западной, что русский язык — одно из наречий немецкого языка и, стало быть, русский народ — отрасль немцев. В противовес подобным псевдонаучным измышлениям немецких историков Ломоносов подчёркивал, что, несмотря на все трудности и опасности, которые встречал на своём историческом пути русский народ, он неуклонно шёл своей, независимой от Запада дорогой вперёд, к «высочайшим» ступеням «величества, могущества и славы», являясь одним из самых великих народов всех времён⁶³.

Вместе с тем Ломоносов считал, что русскую историю, как и русскую культуру, нельзя рассматривать отдельно от общечеловеческой истории и культуры. С мраком невежества, в равной степени опасным и для России и для других стран, нужно бороться, его нужно устранить, и в этом одна из почётнейших задач, стоящих перед наукой

⁵⁷ Биллярский П. Указ. соч., стр. 703—704.

⁵⁸ Там же, стр. 732.

⁵⁹ Там же, стр. 735—736.

⁶⁰ Пекарский П. Указ. соч. Т. II, стр. 848.

⁶¹ Ломоносов М. Соч. Т. IV, стр. 244.

⁶² Пекарский П. Указ. соч. Т. II, стр. 726.

⁶³ Ломоносов М. Соч. Т. V, стр. 244.

вообще и перед историей в частности. История должна воодушевлять народ на рождение своих «Невтонов».

Ломоносов отказывался от «похлебства» сильным политическим деятелем. Он протестовал против низкопоклонства перед «внешними писателями», проповедывавшими дикость славян и цивилизацию их шведскими «морскими разбойниками».

Огромное значение в развитии науки, в том числе и истории, Ломоносов придавал справедливой критике различных гипотез. Именно в споре рождается истина, именно научный спор «способствует к приращению человеческих знаний», говорил он. Гипотеза — «единственный путь, которым величайшие люди успели открыть источники самые важные». Нет нужды бояться гипотез. Зато нужно опасаться ремесленничества, упрощения. В истории, как во всякой науке, не должно быть дилетантства, подражательности. Следует стремиться искать и находить историческую правду и идти в науке своим, оригинальным путём, а не плестись на поводу у старых, отживших и вредных положений, вроде тех, которые основаны на «бреднях исландских старух» или на созвучиях. Только основываясь на тщательном анализе всех источников, взятых в совокупности, можно прийти к правильным выводам. И такой критический анализ необходим при изучении как иностранных, так и русских источников, ибо и в летописи находится «не малое число... лжебасней, чудес»⁶⁴.

Конечная цель исторической работы ясна — история должна служить средством прославления отечества, должна изображать знаменитых людей и события, составляющие честь и славу народа. Народ должен стоять в центре внимания историка. Историк обязан «открыть свету древность российского народа ч славные дела государей». История даёт «бессмертие множеству народа» и переносит «минувшие деяния в потомство и глубокую вечность»⁶⁵. Историк должен показать всему миру, что в России никогда не было столь «великой тьмы невежества», как то рисовали Миллер, Шлецер и др. Чтобы убедиться в обратном, достаточно изучить прошлое русского народа. Историк вместе с тем должен воодушевлять народ на великие дела в настоящем и будущем, на развитие науки, отвергнув «досадительные и злоносные» посягательства иностранцев. Историк обязан помочь поднять уважение к русскому народу, ибо «всяк, кто увидит в Российских преданиях равныя дела и Героев Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет; но только вину полагать на бывшей наш недостаток, в искусстве каковом Греческие и Латинские писатели своих Героев в полной славе предали вечности»⁶⁶.

В конце жизни после более чем 15-летней работы в области исторической науки, формулируя требования, которые должно предьявлять к историк, Ломоносов в 1764 г. в проекте регламента Академии наук писал:

«Сочинение Российской истории полной, по примеру древних степенных историков, каковы были у римлян Ливий, Тацит и др. дело не всякому историку посильное, ибо тёмного не мало было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии». И поэтому, прежде чем открыть доступ историку в государственные архивы, следует «смотреть прилежно: 1) Чтобы он (историк. — Д. Г.) был человек надёжный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, подлежащих до политических дел критического состояния; 2) Природный россиянин; 3) Чтобы не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпынству и посмеянию»⁶⁷.

Изучение исторических сочинений Ломоносова позволяет оценить его незаурядный талант исследователя-историка. Ломоносова интересовали все периоды истории России: он детально изучал как древнюю, так и новую историю, занимался историей Сибири, историей русского Севера. Так в «Кратком описании разных путешествий...» Ломоносов первым в истории русской науки дал обстоятельный очерк истории изучения русского Севера, показав себя первоклассным его знатоком и продемонстрировав на огромном материале устных, письменных и материальных источников колоссальный вклад в науку, внесённый русскими «землепроходцами» Дежневым, Хабаровым, братьями Лаптевыми, Челюскиным и другими.

До нас не дошли исторические «манускрипты» Ломоносова, и часто лишь по отдельным намёкам можно судить о тематике, занимавшей Ломоносова в области истории России. Так, среди тем, разработывавшихся Ломоносовым («экстракты» из материалов, собранных по ним, Ломоносов предлагал выслать Вольтеру), были проблемы, связанные с крупными социальными движениями в России XVI—XVII вв.: крестьянские войны начала XVII в., разнищина, стрелецкие восстания конца XVII века. В центре внимания Ломоносова в новой истории России была фигура Петра I. Но наряду с Петром Ломоносов подчёркивает значение деятельности Ивана Грозного, которого Ломоносов считает прямым предшественником Петра и признаёт, что Пётр во многом следовал путями, предначертанными Иваном.

Ломоносов интуитивно пришёл к правильному пониманию периодов в истории России, наметил поворотные моменты в её истории. Таковыми он считает конец княжения Ярослава I, знаменовавшего наступление периода раздробленности в истории России (княжением Ярослава он заканчивает первый том своей «Истории»), монгольское завоевание в 30-х годах XIII в., освобождение от монгольского ига и образование Русского национального государства. Наряду с этим прекрасное знание многочисленных как письменных, так и устных источников и способность к их анализу — всё это ставило Ломоносова-историка далеко впереди его современников.

⁶⁴ Биллярский П. Указ. соч., стр. 106.

⁶⁵ Ломоносов М. Соч. Т. V, стр. 246.

⁶⁶ Там же, стр. 245.

⁶⁷ Биллярский П. Указ. соч., стр. 660.

Наибольшим вниманием Ломоносова пользовались древнейший период истории русского народа и государства и теснейшим образом связанная с ним проблема происхождения славянства вообще и восточного славянства в особенности. В этой области им был создан уже упомянутый нами выдающийся научный труд «Древняя Российская История», в котором Ломоносов развивал диаметрально противоположные господствовавшим в России и в Западной Европе взгляды на происхождение славян, русского народа и его государства. В отличие от общепринятого в XVIII—XIX вв. плана построения истории России от Рюрика и призвания варягов Ломоносов посвятил значительную часть своей книги доваряжскому периоду, отвергнув распространённое мнение о том, будто до Рюрика и первых русских князей, т. е. до середины IX в., о России писать нечего. Он возражал против мнения официальных историков, что у России ранее не было истории, а русский народ не вышел из «великой тьмы невежества». С Рюрика не начинается история России, утверждал Ломоносов, с него нужно считать лишь «начало самодержавства Российского». До Рюрика русский народ жил «семьями расселенно», не имея «обших государей», но и тогда творил свою историю и определил своё выдающееся место в истории Европы. Процесс образования русского народа был чрезвычайно сложен и длителен. В нём приняли участие не только восточнославянские, но и восточнофинские, скифские, сарматские и другие племена.⁶⁸ Но наибольшее значение имели в этом процессе славянские племена, от которых русский народ воспринял свой язык, основы своей древней культуры.

Ломоносов считал, что автохтонное население Восточной и Центральной Европы оформилось как славянское прежде всего в области междуречья Дуная и Днестра вплоть до отрогов Карпат.⁶⁹

Именно славянам приписывал Ломоносов честь создания Русского государства и русской культуры. Что же касается варягов, то, считал он, это были лишь разбойничьи дружины, которые очень быстро слились с местной верхушкой, восприняв от неё язык и культуру. Ещё до призвания варягов русские породы были в «цветущем состоянии». Отсюда Ломоносов делал вывод, что большой нужды у славян в призвании варягов и в самодержавных государствах не было. Поэтому скорее не инициатором, а виновником прихода варягов выступал Новгород, которого ослабили распри боярских семей; это позволило варяжской дружине во главе с Рюриком установить своё господство над Новгородом, а позднее — над другими русскими городами. Однако этот факт не был столь значительным событием в русской истории, каким его описывают немецкие историки. Даже шведские источники не отмечают вовсе ни самого факта существования Рюрика, ни установления его власти над

русскими племенами⁷⁰. Немногочисленные варяжские дружины очень скоро растворились в славянской массе: «Россы, соединясь со Славянами и с Чудью, один народ составили»⁷¹.

Искусственное выпячивание немецкими историками роли варягов в начальной русской истории показывает лишь их желание унижить русский народ.

Естественно, что все помыслы Ломоносова в его труде по древней российской истории были направлены к тому, чтобы вдохнуть в читателя любовь к отечеству и предкам. Поэтому «Древняя Российская История» писалась не для специалистов-историков, а для широкого читателя, который должен был знать и полюбить героическую историю своего народа. Только такая история может быть «справедливостью своею полезна».

Свою работу в области русской истории Ломоносов рассматривал как начало того пути, по которому должна идти молодая русская историческая наука. Умирая, он говорил: «Жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринял я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь при конце жизни моей должен видеть, что все мои познания намерения исчезнут со мною»⁷².

После смерти Ломоносова его многочисленные враги постарались вычеркнуть его имя из числа русских историков, уничтожить всякую память о его выдающихся исторических трудах. Не удивительно поэтому, что по праву принадлежащая Ломоносову честь быть первым учёным развившим теорию о древности славян в Европе, и до нашего времени приписывается знаменитому чешскому слависту И. Шафарику. А в действительности Шафарик всесторонне осветил этот вопрос и подтвердил своим капитальным исследованием — «Славянские древности» — гипотезы Ломоносова о древности славянства в Европе, о сложности этнического процесса образования славянства, о бывшей языковой и этнокультурной близости между лето-литовскими и славянскими племенами. Выступив со своим монументальным трудом, Шафарик окончательно вытеснил из славяноведческой науки заслуги и самое имя великого русского учёного.

Советская историческая наука решительно порвала с наследием норманизма. Она по-новому поставила вопросы древнейшей истории нашей страны. В этой связи исторические сочинения Ломоносова предстают в совершенно новом и ярком свете.

Замечательный советский учёный академик Н. Я. Марр, основатель нового учения о языке, указывал, что в работах Ломоносова можно встретить мысли, подтверждаемые его исследованиями⁷³.

⁷⁰ См. там же, стр. 292—294.

⁷¹ Там же, стр. 296.

⁷² Пекарский П. Указ. соч. Т. II, стр. 876.

⁷³ См. Марр Н. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси.

⁶⁸ См. Ломоносов М. Соч. Т. V, стр. 275 и сл.

⁶⁹ См. там же, стр. 267.

Ломоносов отрицал наличие праязыков, он обратил внимание на сложность и длительность процесса развития языков, подчёркивая исторический характер этого развития, т. е. коснулся тех основ, которые являются краеугольными камнями учения Н. Я. Марра.

Именно исходя из этих своих положений, Ломоносов мог утверждать, что значительную роль в сложении русского народа сыграли не только восточнославянские племена, но и чужь, скифы, сарматы и ряд других, а также высказать предположение о связях между скифо-сарматами и чудскими племенами — мысль, которая нашла блестящее подтверждение в работах Н. Я. Марра.

Исследования советских историков, археологов, этнографов доказали правильность ряда предположений Ломоносова. Так, совершенно бесспорным является его утверждение о сложности этнического состава скифов, их значительной роли в этногенезе восточного славянства. То же самое можно отметить и в отношении сарматов, а также ряда восточнофинских племён, принявших участие в процессе сложения русского народа. Правда, Ломоносов высказывал ошибочное мнение о славянстве пруссов и других литовских племён. Но в настоящее время установлена былая этнокультурная близость славянских балтийских племён, которая позволяет объединить их в одну древнюю этническую группу.

Хотя проблемы этногенеза восточного славянства остаются во многом неразрешёнными

«Избранные работы». Т. V, стр. 28. М.-Л. 1935.

⁷⁴ См. Удальцов А. Основные вопросы этногенеза славян. В сб. «Советская этнография». VI—VII. 1947; Артамонов М. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. «Вестник» Ленинградского университета, № 2. 1947; Третьяков П. Восточнославянские племена. М.-Л. 1948.

ми, в настоящее время всё большее распространение получает та точка зрения, что одним из древнейших очагов этногенеза восточного славянства была область, лежащая к северу от Дуная и тянувшаяся до предгорья Карпат и Днестра, а не Среднее Приднепровье; только позднее в этот процесс включились среднеднепровские племена и, наконец, население бассейна Верхнего Днестра. Таким образом, мысль Ломоносова о междуречье Дуная и Днестра как о колыбели древнего славянства нашла подтверждение в работах советских археологов и историков ⁷⁵.

Большой интерес представляет не решённый до настоящего времени вопрос о южной и северной «Руси». Ломоносов убедительно показал, что термин «Русь» существовал на юге вне всякой связи с севером и варягами. Это подтверждают топонимика и источники.

Исторические труды Ломоносова представляют выдающийся научный интерес и могут со всем основанием стоять рядом с его замечательными трудами в области естественных наук: химии, физики, геологии и др. Значение исторических трудов Ломоносова таково, что позволяет признать за ним право выдающегося русского учёного и на поприще исторической науки.

«Вся жизнь его (Ломоносова. — Д. Г.) была прекрасным подвигом, непрерывную борьбою, непрерывную победою. Голова ходит кругом от мысли, что было сделано в России до Ломоносова и что он должен был сделать и что сделал... Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим учёным... Он всем занимался с жаром, любовью и успехом» ⁷⁶. К этим проникновенным словам, сказанным о Ломоносове великим русским революционным демократом В. Г. Белинским более ста лет назад, можно добавить лишь то, что Ломоносов был и горячим патриотом своей Родины.

⁷⁵ См. Удальцов А. Указ. соч.

⁷⁶ Белинский В. Соч. Т. III, стр. 10—12. СПб. 1901.